

Стоя перед ним неподвижно, я вспотела, и мой румянец подкрался к ушам. Генрих вдруг протянула лист бумаги к моему лицу и указала на что-то своим длинным пальцем.

...Это был торчащий рог, нарисованный на его голове.

— Что это? У меня на голове такого нет.

«Не спрашивай меня так серьезно!»

Я не была уверена, как лучше ответить, поэтому пришлось отчаянно думать.

— Это, это...

Я сглотнула пересохшим горлом, порылась в своем мозгу с помощью силы десерта, который только что съела, и наконец нашла ответ.

— К-корона.

— Корона?

— Да, корона... Я нарисовала корону...

— Почему ты нарисовала корону?

«Почему ты спрашиваешь меня об этом?» — хотела бы я посмотреть, как он сам ответил бы на такой вопрос.

Я не могла заставить себя найти ответ.

— Ах... Ахм...

Поэтому я решила блеснуть улыбкой. И улыбнулась так очаровательно, как только могла.

Генрих что-то негромко пробормотал и забрал листок с рисунком. На его равнодушно бессердечном лице промелькнуло сомнение.

— Может быть, это в том смысле, что ты лучший. В ее глазах ты выглядел бы замечательным отцом, словно на тебе корона.

— Это верно. Разве дети не считают родителей самыми лучшими?

Я обрадовано закивала, когда другие придумали оправдание за меня. Просто не могла упустить эту драгоценную возможность.

Затем Генрих снова посмотрел на рисунок, на этот раз более пристально и внимательно.

«Ты не сможешь не улыбнуться, верно?»

— ...Пустая трата времени.

«...Если только ты не злодей».

Он спокойно произнес эти три слова и передал рисунок, который держал в руках, помощнику, со словами:

— Храни его как следует.

...Подожди, почему бы тебе не вернуть его мне? Это мой рисунок.

— Рисунок.

— Что?

Я смотрела на Генриха, но когда он вдруг посмотрел на меня, поспешно изменила выражение лица. Улыбающиеся губы слегка дрогнули.

— Почему ты нарисовала его?

Почему ты спрашиваешь меня об этом?

Твой вопрос в том, почему семилетний ребенок рисует человека, с которым находится в кровном родстве?

Есть только один ответ. Это для того, чтобы выразить эмоции. Хотя я не могу сказать, что это рисунок, нарисованный, чтобы выпустить свой гнев, проклиная тебя, поэтому мне придется солгать.

— Герцог... Герцог такой классный.

— ...

— Красавец...

Почему-то этот момент показался мне очень важным в моей жизни.

Инстинкты подсказали мне, что так оно и было. Может быть, это потому, что Генрих не моргал и продолжал смотреть на меня.

Я чувствовала себя кроликом, которого плотоядное животное схватило зубами за горло.

Есть только одна вещь, которую может сделать кролик, когда хищник так поступает.

Широко открыть глаза и умолять.

Помогите мне! Помогите мне!

— Вот почему я хотела нарисовать его, разве не ясно?

Я подняла на него трепещущий взгляд, наклонила голову набок и выдавила жалкий голос.

Окружающие сказали, что я нарисовала его хорошо. И что я действительно сделала его красивым.

Тем не менее, Генрих лишь неподвижно смотрел на меня, не шелохнувшись и не моргая.

Даже окружающие замолчали.

Служанки нервно наблюдали за мной и Генрихом.

Прошло много времени, когда он наконец заговорил.

— ...Ты сказала, что это корона на моей голове?

— Да.

— Я работаю на императорскую семью. Уверен, ты об этом знаешь.

— Да...

— Как одна из самых мощных опор для установления новой императорской власти и поддержки нынешнего императора, мы должны исключить любую возможность, факторы и любые другие вещи, которые могут поставить под сомнение причину свержения режима.

Кажется, я понимаю, о чем вы говорили.

Некоторое время назад темой собрания были скрытые амбиции вражеских сил.

Поскольку врагов, которых нужно было уничтожить, было так много, Генрих некоторое время притворился умершим в тюрьме и скрывался от всех, кроме своих близких помощников.

Изображение короны, нарисованное его дочерью, также может негативно привлекать людей. Я смотрела на него, медленно кивая.

Но Генрих продолжал без намека на гнев, просто сухо.

— В следующий раз не рисуй такие вещи. Я позабочусь об этой картине.

В конце разговора он вышел, и адъютант, державший мой рисунок, поспешил вслед за Генрихом.

Среди дворян поднялся шум. Тем временем подошли Пейна и другие служанки и поспешно обняли меня.

— С вами все в порядке, мадемуазель?

— Пейна... Я...

Пейна подумала, что я удивлена, поэтому прижала меня сильнее и ласково похлопала по спине.

Честно говоря, я была удивлена, но, возможно, из-за стресса все мое тело было истощено.

Кроме того...

— ...У меня болит живот.

Кажется, у меня расстройство желудка — я почувствовала это только сейчас. И моя голова раскалывалась из-за стресса.

Пока остальные слуги отводили вельмож в их гостевые комнаты или готовились их провожать, Пейна и служанки поспешили отвести меня к местному врачу в замке.

<http://tl.rulate.ru/book/49139/1662805>